

Александра Руда

A decorative flourish consisting of a central horizontal line with several small, stylized floral or leaf-like motifs branching out from it.

ОЛА И ОТТО. СВОЙ ПУТЬ

ОЛА И ОТТО. ВЫБОР

ОЛА И ОТТО. ГРАНИ

РОДОВОЙ КИНЖАЛ

ОБРУЧАЛЬНЫЙ КИНЖАЛ

Александра Руда

Обручальный кинжал

Роман

Москва, 2013
 АРМА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Художник
О. Бабкин

Руда А.
Р83 Обручальный кинжал: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 344 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1398-0

Катится по дорогам королевства самоходный фургон сборщиков королевских налогов...

Только-только оправились мы от отравления ядом, подсыпанным нам в еду излишне услужливым бургомистром, не желающим делиться деньгами; только-только оттремела наша битва со стаей нечисти, жаждущей разорвать нас на части, — а тут новая проблема! Сбежавшая невеста нашего руководителя, которую он твердо решил найти!

Интриги аристократов, война с магами-перерожденцами, тайны крови и древних родов... Кто-то думал, что эта работа будет скучной?

...И катится, катится по дорогам королевства самоходный фургон, не зная, что ждет его за следующим поворотом.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1398-0
© Александра Руда, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

*Основателям «Зоряной Фортеци», которые
всегда готовы придать мне вдохновения и ускоре-
ния, посвящается*

ГЛАВА 1

Страдать нужно с чувством. Страдать нужно так, чтобы все прочувствовали, что ты страдаешь. Но это относится только ко мне, а страдающие пациенты долго не живут.

*Целитель Даезаэль Тахлаэльбрар о том,
кому можно страдать*

Фургон, скрипя поломанной осью, медленно ехал по дороге. Колеи заросли ярко-зеленой травкой без единого следа от телег или копыт. Вокруг радовалась весне нетронутая природа, громко щебетали птицы, с шумом срываясь с веток стайками.

Куда мы едем, я не имела никакого представления, точно так же как и все остальные. Кажется, мы заблудились еще тогда, когда нас, королевских гласов, сборщиков налогов, отравили в городе, бургомистр которого не желал раскрывать секреты своих бухгалтерских книг. Ночная бешеная гонка от смерти в виде огромной стаи волкодлаков — хищных зверей, живущих на территориях улыдонов, магов-перерожденцев, только все усугубила.

Назад возвращаться было нельзя: над останками волкодлаков уже кружили круки, огромные птицы, похожие на орлов, только размером с хорошую корову, поэтому надо было убраться куда подальше, чтобы нами не закусили.

— Едем вперед, — решил тролль Драниш Рых после сосредоточенного изучения карты. — А там будет видно. Раз дорога есть, она не может нас куда-то не вывести.

— Человеческое умение рисовать карты меня удручает, — сказал наш целитель, эльф Даезаэль Тахлаэльбрар, презрительно тыкая пальцем в сплошной зеленый массив, стыдливо украшенный изображениями двух кривых елочек. — Мы находимся где-то здесь, да? Все понятно! А главное, подробно-то как нарисовано!

— Я не знаю, где Ярик свернул с основной дороги, когда ему поплохело после отравления! — огрызнулся тролль. Двое суток

назад бургомистр главного города домена не придумал ничего лучшего, чем подсыпать нам в еду сильнодействующего яда. Мы выкарабкались исключительно благодаря эльфийским снадобьям и силе рода — особой магии чистокровных благородных, которая действует только тогда, когда аристократу грозит смертельная опасность. — И я не знаю, куда ты вел фургон ночью. Как я могу сказать, где мы, тем более что тут обозначены только главная дорога и река Чаюнь, граница королевства!

— А почему было не взять подробную карту домена у его Владетеля, Сыча? — У старого-старого, но безумно властолюбивого аристократа мы недавно гостили. Ярослав дружил с его сыном, Томигостом, поэтому мы могли получить в замке все, что хотели.

— Откуда я знаю? — рявкнул Драниш, швыряя карту в глубину самоходного фургона, на котором мы передвигались и в котором жили.

Руководитель нашей группы, капитан Ярослав Волк, после ночного сражения с волкодлаками пребывал в глубоком сне от использования слишком сильной магии, поэтому командовать взялся тролль как обладающий самым высоким званием и боевой должностью. Несмотря на то что его знаний и опыта хватало с лихвой, отдавать приказы, к тому же такому потрепанному войску, Дранишу не нравилось, он переживал за капитана, своего лучшего друга, и язвительные подначки эльфа раздражали тролля больше обычного.

— Не ссорьтесь, пожалуйста, — попросила я. — Мы все вместе попали в эту ситуацию и вместе будем из нее выбираться. Ссоры только все ухудшат.

— Ненавижу, когда ты такая, — сказал Даезаэль. — Верните мне ту Милу, которая была последние сутки! Когда ты такая спокойная и говоришь прописные истины, мне тебя удавить хочется. Тетивой от моего поруганного лука.

Лук эльфа пострадал во время ночного сражения с волкодлаками, но мне казалось, что наибольший урон ему нанесло мое падение в колючие кусты — бедный лук спас меня от ранений, однако сам этого не пережил. Конечно же о своих мыслях на этот счет я благоразумно молчала.

— Тебе было бы легче, если бы я билась в истерике и кричала: «А-а-а, мы пропали, мы пропали!»? — спросила я, почесав царапины.

За всю жизнь меня так быстро довести до белого каления мог только Чистомир Дуб, мой друг детства, аристократ и задир, но сейчас у него появился достойный соперник в лице эльфа, пребывающего в вечной депрессии. Правда, и уважала я их обоих одинаково сильно.

Вместо ответа Даезаэль обхватил голову руками и уткнулся лицом в колени. Под натянувшейся тканью сорочки проступили позвонки и ребра. Выглядел целитель как никогда беззащитным и хрупким.

Теперь все мои соратники по нелегкой службе во имя королевских налогов дремали внутри фургона, а я сидела на скамье и пристально вглядывалась в дорогу, аккуратно объезжая кочки и ямки. Фургон двигался с помощью магии управляющего повозкой, и теперь я была единственной, кто мог тронуть его с места. Ремесленник нашего отряда гном Персиваль предупредил меня, что еще одной катастрофы фургон не выдержит и мы останемся без средства передвижения на чужой территории.

— Подвисься, — хрипло сказал за моей спиной целитель.

Я вздрогнула от неожиданности — погрузившись в свои мысли, не слышала, как он подошел.

— Нервишки пошаливают? — заметил эльф, тяжело переваливаясь через спинку скамьи и укладываясь ко мне на колени.

Выглядел Даезаэль еще хуже, чем час назад. Скулы у него заострились, огромные глаза выделялись на зеленоватом лице, а кожа туго обтянула кости.

— Что с тобой? — спросила я. — Тебе совсем плохо?

— Глупый вопрос, — проворчал он серыми губами. — Нет, мне хорошо, так хорошо, что на месте моего тела скоро вырастут цветы.

Умирая, эльф превращался в цветник, но почему-то мне всегда казалось, что на могиле нашего целителя будут расти только колючки.

— Почему ты ничего не сделаешь? Почему не исцелишь себя? — Я очень испугалась за эльфа. Пусть он желчный, язвительный и ехидный мироненавистник, но... наверное, Даеза-

эль — первый, кто стал мне по-настоящему близок за последние два года.

— А что я могу сделать? — прошелестел он, закрыв глаза и вытянув худые руки вдоль тела. — Я перерасходовал магию. Сначала лечил вас от отравления, потом гнал фургон от волкодлаков... Организм ведь не железный, его уже больше нельзя подстегивать всякими стимуляторами. Осталось только умереть на коленях у прекрасной девы... Но так как прекрасной тут нет, придется умереть на наиболее подходящих для этого коленях.

Нельзя сказать, что сравнение моих коленей с наиболее подходящими к умиранию меня сильно обрадовало.

— Может быть, я что-то могу для тебя сделать? — спросила я жалобно.

Эльф приоткрыл один глаз и спросил:

— А что ты готова сделать для моего спасения?

Я недолго подумала, но все же решилась.

— Все!

— Все? — подозрительно переспросил Сын Леса. — Даже больше, чем для капитана?

— Да, — твердо сказала я. К Ярославу я не испытывала никаких особо теплых чувств, хоть и понимала, что нам без его руководства не выжить.

— Тогда дай мне своей крови, — простонал умирающий и широко открыл рот.

Я остановила фургон и вынула из ножен свой кинжал. В конце концов, чтобы спасти капитана, после того как его тело не выдержало мощнейшего заклинания уничтожения нечисти, я согласилась на сеанс высшей магии с использованием моей крови. Чем эльф хуже?

— Нет, — запротестовал Даезаэль. — Я хочу тебя укусить! Зубами!

— Ты эльф или вампир? — спросила я. — Тебя кровь из надреза не устроит? Нужно только кусать?

— Конечно! Я всегда мечтал попробовать, как это, только подходящего запястья не находилось...

— Даезаэль! — возмутилась я, еле удерживаясь от того, чтобы не столкнуть его с колен. — Ты издеваешься? Тебе нужна кровь или нет?

— Конечно, не нужна, — ответил эльф как ни в чем не бывало, обнял меня за талию и уткнулся носом в живот. — Мумугугум...

— Что?

Целитель соизволил отвернуться от моего живота и пояснить внятно:

— Говорю, с какой стати мне лечиться кровью подобных тебе? Ты совсем не разбираешься в физиологии эльфов! Мне просто нужно отдохнуть.

— Почему у меня на коленях? Иди к себе в фургон, ложись на одеяла и спи сколько влезет!

— Ты знаешь, что богатые старики всегда окружают себя юными девушками? А почему? Все для того, чтобы пить их жизненную энергию! Вот и я тоже буду пить... Не ерзай! Дыши ровнее! Создай мне нормальную, успокаивающую обстановку для полноценного восстановления!

— А для этого обязательно дышать мне в живот? Щекотно.

Эльф повернулся на спину и задумчиво посмотрел на мой подбородок, отчего по мне забегали мурашки.

— Скажи мне, Мила, давно ли тебе в живот вот так просто, расслабленно и получая от этого удовольствие, дышал мужчина? Неужели ты не скучаешь по этому?

Я долго молчала, всматриваясь в медленно уползающую под колеса дорогу, прежде чем ответить:

— Почему ты так много обо мне знаешь? Ведь я ничего никогда не рассказывала о том, как я жила до того, как поступила на службу. Почему мне кажется, что ты понимаешь меня лучше, чем кто бы то ни было?

— Детка, — произнес Даезаэль покровительственно, — я целитель. Мне положено угадывать, что пронырливые пациенты от меня утаивают. А ты к тому же слишком соблазнительно интересная игрушка, чтобы за тобой не наблюдать.

— Игрушка? — переспросила я.

— Ну или ценный экземпляр в мою коллекцию человеческих странностей, выбирай то определение, которое тебе нравится. Дыши ровно! Чего сердце так бьется? Я не собираюсь раскрывать твои тайны никому, наоборот, я буду с удовольст-

вием наблюдать за тем, как они вылезают наружу. То-то посмеюсь!

Мой отец всегда говорил: человек, которого легко раскусить, недостоин того, чтобы с ним продолжать общаться. У каждого в шкафу есть свои скелеты, только у иных они так спрятаны, что и шкаф не найдешь, а у некоторых — створка плохо прикрыта, костлявая рука из нее торчит... Как умудрился целитель добраться до моего шкафа, надежно, казалось бы, похороненного в закоулках памяти, не знаю, но мой строгий родитель вряд ли бы этому порадовался. Впрочем, я мало давала ему поводов для радости...

Я потрясла головой, отгоняя нерадостные мысли. Собрись, Мила Котовенко, купеческая дочь. Лучше не вспоминать о прошлом, а дышать ровно и спокойно, создавая Даезаэлю уютную обстановку.

Уже смеркалось, когда на дорогу из кустов кто-то выпрыгнул. Мне пришлось резко-резко затормозить, и фургон, страшно затрещав и заскрипев, замер в метре от огромного зверя.

Это был не волкодлак, животное магов-перерожденцев ульдонов, и не волк. Зверь больше всего походил на огромную, лохматую, черного окраса собаку с приплюснутой мордой и мощными лапами. Я никогда не слышала о такой породе, да и не могла слышать — у нормальных собак не бывает таких глаз, горящих багровыми угольками.

Я нашарила правой рукой лук, заговоренный против нечисти, но не спешила ничего делать. Мы просто смотрели друг друга в глаза, зверь стоял как вкопанный, и только легкий ветерок ворошил длинную шерсть.

Эльф проснулся, приподнялся, взглянул на дорогу и бесшумно скользнул вниз под скамью.

Животное зарычало низким, утробным звуком, у меня по спине пробежали мурашки, а волосы на коже встали дыбом. Зверь потоптался на месте, готовясь к прыжку, и я решилась на безумный шаг.

— Пожалуйста, — сказала я негромко, не отводя взгляда от горящих глаз противника, — пропусти нас. Мы вовсе не желаем зла никому в этом лесу, мы заблудились и едем по своим делам. Пропусти нас. Конечно, в случае нападения ты победишь,

но победа достанется тебе дорогой ценой. Давай разойдемся миром?

Зверь сел на дорогу, продолжая мрачно ворчать. Я склонила перед ним голову, постаравшись выразить все свое почтение, а когда снова посмотрела на дорогу, она была пуста.

— Я бы никогда в такое не поверил, — сказал эльф, вылезая из-под лавки и сбрасывая с пальцев маленькие ярко-зеленые огоньки. — Вести переговоры с неведомым зверем, да еще и с успехом!

Он вытер у меня со лба холодный пот и брезгливо стряхнул с пальцев капли.

— Возьми себя в руки.

— Т-ты же с-сам гов-ворил, что тебе не хватает м-м-моей и-и-истерики. — На меня накатила запоздалая реакция, руки тряслись, а зубы выбивали дробь, и справиться с собой никак не удавалось.

— Во-первых, я про истерику ничего не говорил, — заявил эльф, рассматривая меня без тени сочувствия. — Во-вторых, я из-за этого неведомого зверя потратил на боевое заклинание остатки магии, и мне опять нужно отдохнуть. Когда ты так трясешься, ты ни фургон не сможешь вести, ни создать мне благоприятную обстановку. Что за безответственность!

Он опять улегся мне на колени, поерзал, поудобнее умащиваясь, и закрыл глаза.

— Спасибо, что готовился к обороне и не оставил меня одну, — сказала я.

— Ага, — зевнул Даезаэль. — Всегда пожалуйста. Только я не собирался тебе помогать. Я думал, пока зверь будет тебя жрать, обездвижить его и рассмотреть поподробнее. А может, даже удалось бы его расчленить... хрррр...

Все спали, а мной овладела какая-то неестественная бодрость, достигшая своего пика. Хотелось действовать, куда-то бежать, с кем-то сражаться или просто гнать фургон с максимальной скоростью куда глаза глядят... Это было опасно, поэтому инстинкт самосохранения приказал мне остановиться прямо посреди дороги и убрать руки от кристаллов управления. Я осторожно приподнялась, поддерживая голову Даезаэля, бережно устроила его на скамье, взяла в руки лук и ушла в лес.

Когда показалось, что я уже отошла достаточно, опустилась на колени, собрала подол юбки в ком, прикрыв им рот, и зарыдала, надеясь, что через слезы выплеснется все нервное напряжение последних двух суток и что мне больше не будет грозить нервный срыв. Да и снова обрести способность принимать адекватные, обдуманные решения тоже бы не помешало, потому что разговаривать со зверями, похожими на странную собаку, это ненормально. Слезы лились и лились сплошным потоком, тело сотрясалось в конвульсиях. Так плохо мне не было уже два года. Я-то думала, что повзрослела, стала тверже и спокойнее, но нет, стоило появиться настоящим неприятностям, как я снова потеряла уверенность в себе!

Через какое-то время рыдания утихли сами собой, и я почувствовала себя совершенно обессиленной. Зато самообладание полностью вернулось. Только как теперь подняться? После такого взрыва эмоций я чувствовала себя кусочком разваренного лука в супе. Боюсь, если опереться на несчастный эльфийский лук, он окончательно сломается...

— Если ты закончила, котя, то я могу тебе помочь, — сказал тролль у меня над ухом.

— Драниш? — поразилась я, сгорая от стыда. Неужели он видел все это? — Что ты здесь делаешь?

— Меня разбудил Даезаэль и сказал, что ты забрала его лук и пошла в лес, чтобы повеситься на тетиве. Он очень просил тебя тут закопать, но лук вернуть.

Тролль обнял меня и прижал к своей широкой груди. Он утверждал, что влюбился в меня с первого взгляда, и я сначала побаивалась огромного, страшного, закаленного в боях вояку, пока не привыкла к верному, умному, образованному существу, скрывающемуся под маской типичного тролля.

— Я очень испугался за тебя, котя, — признался он глухо. — Боялся, что ты не выдержала наших последних... трудностей и решила прекратить их одним махом.

— Драниш... — Я вцепилась в его сорочку руками и страшно презирала себя за проявление слабости, но чувствовать его тепло, размеренное биение сердца, ровное дыхание, его едва уловимый горьковатый полынный запах мне было необходимо. — Я никогда не опущусь до самоубийства. Это не выход. Тем бо-

лее что Дазеазлю нужно время, чтобы восстановиться, капитан в коме, и я единственная, кто может наполнять магией накопители фургона. А если опять что-то случится?

— Какая ты ответственная! — При свете луны тролль блеснул зубами в улыбке.

Парень поднял меня на руки и без видимых усилий встал.

— Что ты делаешь? — испугалась я. — Ты же ранен!

— Тебе сейчас хуже, чем мне, — спокойно возразил он. — Тем более что я сомневаюсь, что ты найдешь обратную дорогу и не сломаешь по пути ноги об какой-нибудь корень. Это вообще чудо, что ты зашла так далеко без единой царапины! Да еще и всю живность распугала своими слезами, а то нашел бы я от тебя только косточки. Ты собиралась защищаться этим сломанным луком? Котя, котя, почему ты не такая, как все? Другие девушки плакали бы себе в уголке фургона и не создавали другим повода для беспокойства.

— Извини, пожалуйста, — покаялась я.

Тролль только крепче прижал меня к себе.

Возле фургона уже горел костерок, и Тиса, с детства влюбленная в капитана девушка-воин, насаживала на прутик кусочки вяленого мяса.

— Что, — спросила она, увидев нас, — тошно было?

— Нет, просто плакала, — ответил тролль, усаживая меня на одеяло возле костра и разминая руки.

— Молодец, — сказала девушка, скептически рассматривая свою работу. Потом все же подвесила прутик над костром на две рогадины и пошевелила горящие ветки. — Я после своей первой битвы два дня ничего не ела, так тошно было.

— Помню, помню, — кивнул Драниш. — Ты тогда такая смешная была, сине-зеленая и руки тряслись.

— Конечно, тому, кто впервые убил в шесть лет, не понять такие страдания, — язвительно ответила девушка.

— В пять с половиной, — спокойно поправил тролль. — Я впервые порешил врага, когда мне было пять с половиной. К шести их уже было семь или восемь, кажется. Котя, не смотри на меня так. Жизнь — штука интересная, и выбор в ней всегда прост: либо ты жив, либо твой враг.

— Как же ты убивал таким малышом? — полюбопытствовал эльф, присаживаясь к костру. В руках он держал склянки с остро пахнущими травами. — Рубил под коленками сухожилия?

— Примерно так. — Троль зевнул, ничуть не взволнованный воспоминаниями. — Мы кучей наваливались на большого дядьку, и каждый уже делал, что мог. Потому что на наше племя нападать — себе дороже! Моя мамка, знаете, как врагов молотила? Брала сковородку и кухонный нож и давай махач устраивать! Хорошее было время!

— Да-а-а, — сказала я, — интересное у тебя было детство.

Я знала, что Драниш — сын вождя племени троллей. Его отец, не чуждый новомодных веяний о пользе образования, отправил сына учиться к аристократу, и Драниш постигал науки вместе с Ярославом. Но я даже не подозревала, насколько сильно детство маленького принца отличалось от детства любого аристократа-человека!

— Детство как детство. Какое было, такое и есть, — философски пожал плечами троль. — Главное — я выжил. А потом уже папашка со всеми замирился, и меня к Волкам отправили.

— Так, — сказал Даезэль, — заканчивайте болтовню и подставляйте чашки, будем пить всякую дрянь.

— Зачем?

— Чтобы завтра все были бодренькие и готовые к очередным неприятностям. Ну или сегодня ночью, если знакомец Милы приведет свою семейку в гости.

— Какой знакомец? — напрягся троль.

Эльф мечтательно закрыл глаза и живописал нашу встречу с собакоподобным зверем.

— Капитан бы тебя за такие разговоры убил, — сказала Тиса. — Придумала тоже! Надо было его на месте поджарить, или что у тебя там в магическом арсенале есть из убийственного, а потом уже разбираться.

— Интересно, кто это был. — Троль крутил в руках кружку, не решаясь из нее отпить. Смесь в скляночках, даже разбавленная водой, пахла горечью. — Я никогда не встречал никого, подходящего под это описание.

— Пей, пей, — сказал эльф, подталкивая кружку ко рту. — Ну? Давай, я хочу посмотреть на полученный результат, прежде чем твоя котя начнет тебя зашивать.

— Зашивать? — вскинулась я.

— А то как же. Шов на руке у твоего кавалера разошелся, кровит. — Целитель тяжело вздохнул. — Вот до чего любовь доводит.

— А нужно было ее в лесу оставить? — возмутился тролль, одним махом опрокинув в рот содержимое кружки и даже не поморщившись. На лице Даезаэля выразилось явное разочарование. — Она же идти не могла!

— Я тебе предлагал ее там прикопать, меньше бы проблем было, — проворчал сердито целитель. — Давай сюда руку!

— Я зашью, — потянулась я к троллю.

— Ты ему нашьешь в темноте, — буркнул эльф. — Ешь мясо и иди спать в фургон, заодно за болезными там присмотришь, я гнома успокоительными накачал, а то он какой-то подозрительный был, лучше бы уже ныл, а то сидел и кайло точил. Даже не подозревал, что оно у него есть!

— Что такое кайло? — спросила я.

— Молоток такой с острыми концами, которым в шахте работают, темнота, — пояснил эльф. — Им голову проломить как нечего делать. Вот так некоторые сидят, точат, точат, точат. Вроде бы на волкодлаков, а потом раз — и в голову соседа.

— И ты его оставил один на один с капитаном! — Тиса вскочила, забыв о том, что у нее сломана нога, и со стоном повалилась обратно на одеяло.

— Конечно, оставил. Они сейчас оба спят, чего бояться? А если ты себе ногу доломаешь, я исцелять не буду. Что я, нанимался по пять раз работу переделывать?

— А тролля ты зашивать будешь! — ревниво сказала воительница.

— Конечно, — кивнул эльф. — Если на нас кто-то нападет, я за него прятаться буду.

— За мной котя будет прятаться, — возразил тролль, не отрывая взгляда от мяса. Над костерком витал такой вкусный запах, что я боялась, что зверь, встреченный мной на дороге, действительно заглянет к нам в гости.

— Да, конечно. Котя твоя будет на передовой, она у нас единственный маг, который хоть что-то может. Но я могу тебе пообещать, что красиво сошью ее останки, чтобы было над чем слезы проливать.

— Твое милосердие, Даезаэль, воистину не знает границ, — мрачно сказал тролль, снимая сорочку и подставляя под иглу руку.

— Есть, Мила, и спать! — прикрикнул эльф. — Чего уставилась?

Я быстро прожевала пару кусочков мяса, запила настойкой из кружки, даже не почувствовав вкуса, и ушла в фургон.

Внутри, под тусклым светом горящего под потолком фонаря, спал, свернувшись в клубочек, Персиваль. Его лицо блестело от слез, и он тихо шептал «мама». Я не удержалась и погладила его по голове. Кажется, гному стало чуточку легче. Он, возвращенный любящей матерью, всю жизнь не знал ни одной неприятности, получая завтрак в постель и горячее молоко с медом перед сном. Служба королевским гласом стала для него слишком тяжелым испытанием, и опасения целителя, что гном может в любой момент сломаться, были небеспочвенными.

Капитан все еще не пришел в себя, однако уже выглядел не настолько плохо, как утром. Я укутала его еще одним одеялом и легла спать только для того, чтобы ночью проснуться от кошмара.

Толпы волкодлаков гнались за нами, и фургон не успевал набрать скорость, как они бросались на нас, разрывая моих спутников на части, хватая меня за руку...

Я вскочила, задыхаясь от ужаса. В фургоне было все спокойно, даже Персиваль провалился в глубокий сон и ровно, с полной самоотдачей храпел. Я вышла на задник глотнуть свежего ночного воздуха и немного успокоиться.

— Котя, — раздался шепот с крыши, — не спится? Залезай ко мне!

Драниш! Надежный, крепкий и спокойный, вот кто мне сейчас был нужен больше всех! Я взобралась на крышу, где с удобством охранял нас от опасности тролль, опершийся на большой сундук с вещами.

Он поманил меня пальцем, молча обнял и уложил к себе на колени, прикрыв своим свитером.

— Спи, — сказал он. — Больше кошмары тебе сниться не будут, я тебя им в обиду не дам. Видишь, все спокойно. Да и вряд ли, котя, нам теперь угрожает что-то серьезное. Такую армию собрать не так-то и просто. Волкодлаки сожрали в округе всех, кто попался им на глаза, и тут теперь мирно, а тот зверь, что встретился тебе, скорее всего одиночка, иначе бы не ушел так просто, защищал бы свое семейство от непрошенных гостей. Так что расслабься.

— А зачем тогда рядом с тобой два меча? — подозрительно спросила я.

— Ну, я же охраняю сон моей коти, — тихонько рассмеялся тролль. — Так что все должно быть в самом лучшем виде.

Он прикрыл большой ладонью мое плечо, и по нему растеклось тепло, постепенно окутывая все тело.

— Завтра проснется Ярик и прекратит это самоуправство. — Я не видела лица Драниша, но чувствовала, что он улыбается. — Ярик наш все эти любовные штучки терпеть не может. Глупый...

Я уткнулась троллю носом в живот, как это делал эльф, и удивилась — поза действительно успокаивала и придавала сил, а еще я чувствовала себя защищенной и трепетно оберегаемой. Это было очень приятно.

— Мне так жаль, Драниш, что мы не можем быть вместе, — прошептала я. — Ведь ты такой хороший!

Рука, поглаживающая меня по плечу, на миг замерла, а потом продолжила свой путь от предплечья к локтю и обратно.

— Выбрось из головы все эти глупости, — строго сказал тролль. — Давай сначала удачно завершим нашу работу и вернемся домой, а потом разберемся со всеми проблемами. Или ты думаешь, что я вот так просто сдамся?

Я улыбнулась его уверенности в своих силах и заснула.

Утром за управление фургоном сел Персиваль, используя энергию накопителя. Вел он повозку куда лучше, чем я, во всяком случае, ось уже не трещала угрожающе при каждом повороте.

Ребята дали мне выспаться, и я проснулась далеко за полдень, голодная-голодная, зато совершенно отдохнувшая, и об-

наружила, что лежу, свернувшись в клубочек, рядом с троллем и обнимаю его ногу.

Сам Драниш увлеченно грыз сухофрукты, которые целыми горстями выгребал из мешочка.

— Выспалась? Ты так крепко спала, что даже не проснулась, когда я тебя утром переключивал, — улыбнулся он и с хрустом потянулся. — Вот и славно! У нас сегодня сухой завтрак, так что отправляйся по своим делам, все равно фургон еле ползет, легко его догонишь, и залезай обратно ко мне. Я для тебя самые вкусные фрукты отобрал. Ты что больше любишь: сливы, яблоки или груши? Я вот сливы люблю, потому что косточку интересно обсасывать.

— Без остановок едем, — объяснил тролль, когда я вернулась. — Ведь должны же мы по этой дороге, наконец, хоть куда-то доехать! И вот, не забудь, эльф опять мерзкого пойла наготовил, сказал, что тебе оно необходимо, потому что, видишь ли, мы слишком тихо ночью на крыше непотребствами занимались, и это его насторожило.

— А мы занимались? — удивилась я.

— Нет, но одному извращенцу очень этого хотелось.

— От извращенца слышу! — буркнул снизу эльф. — К тебе любимая девушка ночью приходит, а ты ее спать укладываешь и все! Кто после этого из нас двоих извращенец?

— Еще не хватало, чтобы они над нашими головами шумели! — Тиса не могла остаться в стороне от обсуждаемой темы. — В лесу места много!

— В лесу муравьи кусают за задницу, — возразил тролль.

— А ты смотри, куда ею садишься... Персик!!!

Фургон внезапно вильнул в сторону, крикнул и завалился на один бок. Я покатила по крыше и улетела бы вниз, если бы тролль не успел поймать меня за юбку.

— Что... — начал он и охнул: — Ну ничего себе!

Я приподнялась, держась за Драниша, и застыла в изумлении.

Фургон замер на вершине холма, с которого открывался прекрасный вид на деревню. Да вот только деревня совсем не выглядела прекрасной.

Прохудившиеся крыши, покосившиеся заборы, домишки, глядящие на нас слепыми выбитыми окнами и оторванными ставнями. Некоторые дома сгорели, и от них остались лишь остовы печей, сиротливо поднимающие в небо закопченные трубы.

Видно было, что беда настигла деревеньку давно, потому что пепелища зеленели свежей травой, и даже на центральной площади с общественным колодцем, которая обычно бывает вытопанной до твердости гранита, цвели какие-то цветы, разбавляя яркими красками картину всеобщего запустения.

— Ехали мы, ехали и, наконец, приехали, — прокомментировал эльф и накинудся на гнома: — Зрелище мертвой деревни — это совсем не повод так безответственно обращаться с транспортом!

— Я испугался, — оправдывался гном, — и фургон как-то сам дернулся.

— Как-то сам, — передразнила Тиса.

Мы спустились на землю с крыши, и тролль указал куда-то рукой:

— Смотрите.

— Что там? — Я пыталась понять, что привлекло его внимание, но взгляд скользил по руинам, не находя ничего необычного.

— Развалины святилища, — сказал глазастый Сын Леса. — Каменного.

— И что это значит? — нервно спросил Персик, не без оснований предполагая, что ничего хорошего нам это не несет.

— Это значит, что нам нужно убраться отсюда до темноты, — сказал за нашими спинами Волк.

Мы обернулись, Тиса с радостным криком кинулась к обожаемому капитану, а Драниш поспешил его поддержать — на ногах Ярослав все еще стоял нетвердо. Выгоревшие волосы выбились из косы и успели свалиться, а поседевшие после использования сильной магии корни непривычно осветлили обычно черноволосую макушку. Рубашка заскорузла от пота, и вообще, выглядел капитан непривычно неопрятно и почему-то

более человечно. Даже после встречи с ульдоном, магия которого действует разрушающе, Волк оставался привычно отстраненным от нас, простых смертных, и элегантно-аккуратным даже в обмороке.

— Убаться — это хорошо сказано, — согласился эльф, усаживая аристократа на землю и заглядывая ему в глаза. — Не кажется ли вам, многоуважаемый капитан, что ваши друзья, Владелец Сыч и его сыночек, в замке которых мы недавно с таким удовольствием предавались приятному времяпрепровождению, несколько... как бы это сказать... преуменьшили размеры кошмара, творящегося на подконтрольных им территориях? Более того, я считаю, что фраза «у нас все хорошо» совсем не отвечает действительности!

Ярослав скривился. Ему не нравилось происходящее в домене с тех пор, как в его столице, городе Сычёвске, нас попытались отравить. И слышать от подчиненных слова: «А ты им поверил, потому что молодой Сыч твой друг», — ему было неприятно, но возразить было нечего.

Эльф же посчитал свою маленькую месть свершившейся и теперь прилежно исполнял целительский долг.

— Так, следи за пальцем, теперь за этим... Но как мы уберемся, если фургону пришел конец? Персик, что скажешь?

— Нужно спуститься в деревню за материалами и инструментами. — Гному очень не хотелось этого говорить, но выхода не было. — Я совсем не предполагал, что придется чинить фургон, и не подготовился.

— Еще нужно набрать воды, помыться и поесть горячего, — перечислил эльф. — Вон речушка бежит, из колодца лучше воду не брать. Капитан, ты как, дойдешь до деревни или тебя нести?

— Дойду сам.

— Может, вам лучше остаться здесь? — заикнулась было я, но Ярослав обратил на меня взгляд своих холодных серебристо-серых глаз и спокойно ответил:

— Нам лучше не разделяться в таком месте.

— Тогда пошли, — решил тролль.

— Мила, — шепотом спросил меня Персиваль, когда мы брели по дороге вниз к деревне, — а почему из-за того, что свя-

тилище развалено, нам нужно уехать отсюда до наступления темноты?

— Потому что в святилище обычно живет маг, или жрец, или оба сразу. И там очень сильны охранные чары против всякой нечисти и, что хуже, нежити. Обычно там спасаются от всяких неприятностей жители.

— А почему нежить хуже?

— Потому что ее убить тяжелее, она уже и так мертвая, — мрачно ответил тролль. — Святилище еще долго служит оберегом окрестных земель, даже если деревня опустеет, — мы в таких во время войны пару раз отсиживались. И то, что это святилище разрушено... Да ты не трусь, Персик, вероятно, опасности нет, мы просто перестраховываемся. Для нежити нужны ульдоны, до которых еще далеко, а все запасы волкодлаков в округе мы уже истребили.

Мы расположились на берегу маленькой речушки, где еще сохранились остатки мостков, с которых крестьянки стирали белье.

— Драниш, Персиваль, идите искать материалы для ремонта, — приказал капитан. — Мы с Даезаэлем разводим костер побольше, а девушки идут купаться и стирать, ходить в окровавленных тряпках — привлекать к себе лишнее внимание. До сумерек должны управиться и вернуться к фургону, так что бегом!

И мы разбежались каждый по своим делам. Есть тут опасность или нет, лучше это проверять в ставшем родным фургоне, а не посреди опустевшей речушки.

ГЛАВА 2

Даже благородное происхождение почему-то не избавляет от желания регулярно поесть.

Философские размышления Ярослава Волка

Мало удовольствия купаться в холодной речушке, однако смыть с себя пот и грязь было необходимо, поэтому я разделась в прибрежных кустах и нырнула в ледяную воду, с трудом подавив вскрик. Весна уже одаривала нас теплыми днями, но ночи

еще были холодны, и вода с утра не успевала прогреться как следует. Тело покрылось мурашками, а воздух застрял в горле и никак не хотел проталкиваться ни в легкие, ни наружу.

— Быстро мойся, вылезай и растирайся полотенцем, — велела Тиса. — Потом пробегись до костра, высуши голову. А после этого возвращайся стирать. Простуда — последнее, что нам сейчас нужно.

Сама девушка осторожно вошла в воду, опираясь на импровизированный костыль. Ее лицо не дрогнуло, хотя сломанная нога, вероятно, очень болела. Я могла только позавидовать ее самообладанию. В такой ситуации жалобы с моей стороны выглядели бы совершенно недостойно и жалко.

Когда я подошла к костру, то увидела, что эльф спит, развалившись в опасной близости от пламени, а капитан, не только успевший разложить костер, но и даже, свежевыкупавшийся, — мокрые волосы небрежно схвачены шнурком в хвост, — варит кашу. Варит кашу!!!

— Даезаэль просил его не трогать, пока он не начнет гореть, — сказал Ярослав, достал из котелка большую ложку, подул и попробовал содержимое с самым серьезным выражением лица. — Что случилось, Мила? У меня на голове выросли рога?

— Вы варите кашу... — пролепетала я. Капитан не переставал меня удивлять.

Высокомерный, холодный, правильный чистокровный аристократ, сын Владетеля домена, два дня назад не испугался грязной работы по уходу за тяжелобольными, отдал все свои силы для того, чтобы спасти нас от волкодлаков, и сегодня варит кашу! Я-то была уверена, что он и понятия не имеет, с какой стороны мешочек с крупой развязывается!

— Варю. А кому еще этим заниматься?

— Вы же аристократ. — Я присела рядом с костром, распустив волосы и наскоро расчесывая их пятерней. Пока я тут греюсь, Тиса стирает. Девушка с презрением отказалась от моей помощи — я пыталась проводить ее к огню, — сказав, что она закаленная, чтобы от купания начать кашлять. Да и волосы у нее были намного короче моих и быстро сохли под весенним солнышком.

— И что? Это только для тебя я почему-то выступаю как мировое зло, а Драниш и Тиса даже не сомневаются, что, закончив работу, они получают свою миску горячей и питательной каши.

— Вы для меня вовсе не зло, я просто вас реально оцениваю, — возразила я. — К той же Тисе вы часто относитесь как к собаке.

— Она моя слуга, — спокойно ответил капитан. — Как я к ней еще должен относиться? Ты попробуй, лиши ее возможности у меня служить. Думаешь, ей это понравится? К тому же в нашем замке даже собаки никогда не голодали и всегда были ухоженными.

— Не сомневаюсь в этом. Ведь нужно же поддерживать статус Дома.

— Нужно, — согласился Волк, — но простым купеческим дочкам этого не понять.

— Не нужно считать остальных ниже себя только потому, что им не посчастливилось родиться в роду Сиятельных.

— Чистомир тебя сильно развратил своими убеждениями, — с отвращением сказал капитан. — И забил голову всякой чепухой. Он не такой, как все, он — выродок, не понимающий степени ответственности, лежащей на каждом благородном, и живущий по каким-то своим законам. Я удивлен, что его семья еще не изгнала этот позор из своего Дома!

Чистомир Дуб был моим другом детства, однажды спасшим мне жизнь. Недавно мы спасли его от слуг ульдона, желающих убить аристократа за соvrращение дочки мага-перерожденца. Чистомир клялся, что это было продиктовано интересами короны, но Ярослав ненавидел Дуба с тех пор, как он несколько лет назад соблазнил возлюбленную Волка, Негосаву Пес.

— Чистомир — один из лучших людей, которых я встречала в жизни, — тихо, но внятно сказала я, поднимая голову и глядя прямо в серебристо-серые глаза Волка. — И не вам судить его.

— Очень жаль, что Дуб, сделав своей подстилкой, не указал вовремя тебе место, — жестко сказал капитан, его глаза потемнели. — Эту ошибку придется исправить мне.

— Попробуй. — Я поднялась на ноги, заставив, таким образом, Ярослава смотреть на меня снизу вверх, и уперла руки в бока, сдерживаясь, чтобы не кинуться на хама. Так меня еще

никогда не оскорбляли. — Ты не имеешь никакого права меня унижать. Ты, наверное, забыл, в каком мы положении и где находимся? Будь я у тебя в замке, я бы и глаза не смела поднять на ваше Сиятельство. А сейчас ты сидишь живой только благодаря моей крови и целительскому искусству Даезаэля, так что гонор свой можно и поубавить.

Капитан вскочил и сразу стал выше, что немудрено — от отца я унаследовала малорослость, а наши приключения сделали меня из худой просто-таки тощей. Глаза Ярослава сузились, нижняя челюсть выдвинулась вперед; он поудобнее перехватил ложку. Меня так трясло от бешенства, что рука сама потянулась и достала мой верный кинжал из ножен.

— Только попробуй, девчонка, — процедил Волк.

Я подхватила подол юбки левой рукой, чтобы удобнее было двигаться, Ярослав пошире расставил ноги, показывая, что он не собирается уклоняться от моего удара и ответит со всей жесткостью.

— Эй, стоп! Стоп! — закричал тролль откуда-то.

Мы повернули головы и увидели Драниша, бегущего к нам. На ходу он сбросил с плеч вязанку каких-то длинных жердин, которые со стуком рассыпались по дороге. Пыхтевший за спиной тролля гном, который волочил по земле что-то тяжелое на старой рогоже, всплеснул руками и бросился собирать палки.

— Стоп! Ребята, придите в себя! — Драниш встал между нами, широко разведя руки. — Котя, опусти кинжал, опусти. Ярик, сядь! Сядь, я сказал. Так, хорошо, теперь медленно выдыхаем. Ярик, кашу неплохо было бы помешать.

Волк неохотно занялся котелком, бросая на меня косые взгляды.

— Стоит мне отвернуться, как вы тут же цепляетесь друг к другу! — укоризненно сказал тролль, поглаживая меня по спине.

— Дрыхли¹ бы тебя взяли, тролля морда! — пробурчал снизу эльф. — Еще немного — и они бы подрались! Вечно ты влезешь не вовремя!

— А ты спи там, а то сейчас сам свою рубашку пойдешь стирать! — рывкнула я на любителя поглазеть на чужие скандалы,

¹ Д р ы х л и — низшие демоны.

радуясь, что есть возможность сбросить накопившееся раздражение.

Эльф не снизошел до ответа, но на всякий случай отодвинулся.

— Что вы не поделили? — спросил Драниш.

— Он назвал меня подстилкой Чистомира, — сказала я, и обида вновь всколыхнулась, готовая захлестнуть с головой.

— Ярик, извинись, — попросил тролль.

— Нет, — отрезал Волк. — С какой стати? Подумай, Драниш, с кем ты сидишь сейчас рядом и на ком ты собираешься жениться. Жениться!

— Мой выбор тебя никоим образом не касается, — спокойно ответил тролль. — А девушку ты оскорбил совершенно зря.

Капитан долго молчал, стиснув зубы и размешивая кашу так, будто она повинна во всех его бедах. Я досушила волосы и встала, собираясь уходить.

— Извини, — буркнул Ярослав.

— Пусть это останется на вашей совести, — ответила я.

Конечно, гордо уйти с сумкой, полной грязного белья, не получилось, но я надеялась, что хотя бы моя спина выражала всю степень презрения к Волку.

Драниш меня догнал, когда я уже раскладывала белье на мостках. Рядом лениво бултыхала в воде свою половину грязной одежды Тиса.

— Персик так ругался, что я колья бросил. — Тролль, как ни в чем не бывало, улыбался. — Он собирается как-то фургон отремонтировать, ему каждая крепкая дощечка важна, а я так легкомысленно с ними обошелся! Странно, но в этой деревне все уже сгнило с невероятной скоростью.

— А что случилось? — поинтересовалась воительница.

— Как обычно, Мила и Ярик опять поругались, — ответил тролль, стягивая с себя сорочку.

— Я никогда не была подстилкой Чистомира, — тихо сказала я.

Тролль присел рядом на корточки и поднял большими теплыми пальцами мое лицо за подбородок вверх, заставляя посмотреть на себя. Его карие глаза были очень серьезны.

— Я знаю, — сказал он и легко коснулся губами моего лба.

Потом быстро сбросил с себя оставшуюся одежду и почти без брызг нырнул в речку с мостков.

— Девочки, не смотрите сюда, — попросил за нашими спинами гном, судя по доносившимся звукам, раздеваясь в кустах.

— Больно надо, — фыркнула Тиса. — Что я там не видела? Точнее, на что там смотреть?

— Вот и не смотри... Ай! Какая вода холодная!

— А Персик-то наш зубы начал отращивать, — задумчиво сказала девушка. — Так, глядишь, к осени сделаем из него мужчину. Хотя... как из него мужчину делать, когда он даже трусов не снял!

— Откуда ты знаешь?

— Подглядывала, — беззаботно рассмеялась воительница. — Он даже когда моется, никогда не раздевается догола. Смешной. Хотя и стирать в таком случае меньше.

Какое-то время мы молча гоняли белье по воде. Конечно, пятна крови и грязь такой стиркой окончательно удалить было нельзя, но нам главное, чтобы одежда не пахла и не привлекала запахом крови всех окрестных зверей или еще кого похуже.

— Тиса, — спросила я, присматриваясь к течению, — гляди, что это?

Посередине реки плыло что-то большое и темное, похожее на замшелое бревно, но двигалось оно против течения.

— Драниш! — завопила Тиса изо всех сил. — На берег!

Она схватила костыль и, забыв о сломанной ноге, размахнулась им, рванувшись к краю мостков. Упала и от бессильной ярости ударила кулаком по доскам, что-то прорычав.

Тем временем Персиваль с невнятным криком кинулся на здоровенную рыбину, Драниш едва успел его перехватить и швырнуть на берег, но времени, чтобы увернуться самому, ему уже не хватило. Троль скрылся под водой, моментально окрасившейся в розовый цвет.

— Глуши ее! — заорала Тиса, ударив меня по ногам костылем.

Это помогло мне выйти из оцепенения и отреагировать единственным боевым заклятием, которое пришло в голову. Я размахнулась и метнула в чудище огромный огненный шар.

Вода вскипела, и в воздух поднялся пар, из-за которого какое-то время ничего не было видно.

— Драниш! — отчаянно закричала я. Почему-то сердце так сжалось, что от боли выступили слезы на глазах. — Драниш!

— Живой я, — сказал тролль, появляясь около берега. — Только ошпаренный чуток. Молодец, котя, ты у меня боевая!

— При чем здесь это, — пролепетала я, глядя на ярко-красный цвет его кожи, по которой текли темно-красные струйки крови. — Ты ведь ранен!

— Ага, — согласился он, — зато посмотрите, какой у меня улов!

Оставляя на песке кровавые пятна, Драниш выволок на берег огромную тушу рыбы и в изнеможении упал рядом на живот. Его спина была усеяна волдырями ожогов.

— Зубошук! — сказала Тиса удивленно и ткнула рыбу костылем. — Надо же! Я и не думала, что они тут водятся.

— Как видишь, — заметил Драниш и зашипел — я попыталась магией стянуть рваные раны на его руке, оставленные зубами рыбы.

— На троллей магия плохо действует, — будничным тоном сказал за моей спиной Даезаэль. — Тем более что у него в крови куча волкодлачьего яда, который мне все недосуг вывести. Ты своего жениха совсем угробить собралась? Ну-ну, продолжай.

Я испуганно отдернула руки. Как я могла взяться исцелять и забыть обо всем этом!

— Успокойся, котя, — попросил Драниш. — Не нужно меня хоронить раньше времени.

— Ты его заживо сварила! — Эльф понюхал рыбину и отщипнул кусочек. — Однако вкусно!.. Мила! Я тут страдаю от упадка магических сил, а ты свои раскидываешь направо и налево! Что за свинство! Сама будешь своего обваренного героя зашивать и мазью от ожогов смазывать. Да не красней ты так, самое дорогое ты ему не обварила.

— Это только потому, что он успел вовремя нырнуть, — мрачно сказал капитан.

Я обернулась. Лицо Волка было непроницаемым, но в глазах бушевала серебряная буря. Рядом с Ярославом стоял дрожащий гном, зябко обхвативший себя руками.

— Да ладно тебе, Ярик, — сказал примирительно Драниш. — Ну, малость перестаралась, но ведь как иначе опыт получить? В итоге я остался в выигрыше — получу массаж ее нежными ручками.

— Для начала ты вытерпишь штопку. — Даезаэль безжалостно сунул мне в руки набор для зашивания ран. — Не забудь промыть! Мало ли какая гадость на зубах у этой рыбки.

— Яда там точно нет, — сообщил капитан, присаживаясь возле вареного зубошука. — Эту рыбку вывели ульдоны, чтобы она охраняла их владения и заодно как пищу для волкодлаков.

— И что же жрет эта рыбка? — поинтересовался эльф, присаживаясь возле капитана и кинжалом распарывая брюхо нашего нечаянного улова. — Пусто! Это как же?

— Специальная порода, — объяснил капитан. — После первого и единственного процесса размножения растет и питается остаточными магическими эманациями.

— Мы их во время войны пытались разводить. — Тролль тяжело вздохнул, но больше ничем не показал, что ему неприятна моя возня с иглой и нитками у его ран. — Но не получалось, дошли и все.

— Куда вам. Тут нужно особое заклинание, похожее на то, какое мы используем для своих лесов и огородов, — рассеянно ответил эльф, увлеченно разделявая рыбу. — Персик! Не стой столбом! Промой-ка мне эту нижнюю челюсть, только осторожноенько! Я ее засушу, пригодится. Надо же, строение идентично шучьему! Ну, молодцы ульдоны, хвалю.

— Ты куски рыбы по песку не разбрасывай! — возмутилась Тиса. — Мы ее есть будем.

— Ешьте, — отмахнулся эльф, вытаскивая хребет. — Так, посмотрим, посмотрим...

— Персик, а чего ты на зубошука кидался? — спросил тролль. — Если бы я тебя не оттолкнул, он бы тебе руку оторвал.

— Я хотел ее убить, — хищно ответил гном. — Мне так надоело, что на меня все нападают! Я тоже хочу на кого-нибудь напасть.

— Молодец, — чавкая, одобрила Тиса.

— Нет, — холодно сказал капитан. — Никаких нападений от дилетантов. Если бы ты не кинулся на зубошука, Дранишу не

пришлось бы тебя отталкивать и подставляться под атаку, если бы Мила не...

— Если бы Мила не сварила рыбу заживо, то та бы меня в лохмотья превратила, — перебил Драниш. — Прекрати, Ярик, ты слишком строг. У них же нет времени учиться, и ребята получают опыт как могут. Ради того, чтобы котя смогла защитить себя, когда меня не будет рядом, я готов предоставлять свое тело каждый день.

— Идиот, — констатировал эльф. Он уже успел изучить рыбий хребет, и к нему вернулось обычное желчное настроение. — Ты и так последнее время каждый день получаешь ранения. Если так будет продолжаться дальше, то Мила получит в мужа увечного. И я не гарантирую, что, если ситуация не изменится, ты сможешь размножиться. Хотя нет, лучше, если она не изменится. У нас еще никто не изучал половую дисфункцию троллей, и моя работа может произвести фурор.

— Прекращайте пустые разговоры, — приказал капитан. — Пора есть и возвращаться к фургону. Скоро стемнеет. Кстати, Мила, белье, которое ты стирала, уплыло.

Я ахнула, вскочив на ноги. Сорочка тролля, которую я полокала до появления зубошука, виднелась белым пятном далеко внизу по течению.

— Ничего, — оптимистично сказал Драниш. — Я сплаваю, достану ее.

— Ну уж нет, — возмутился эльф. — Какое «сплаваю»? У тебя совсем соображалка не работает? Тебя же только что зашили! Сиди и молча ешь рыбу!

Я тоскливо вздохнула, понимая, что за сорочкой придется плыть мне. Лезть в холодную воду совершенно не хотелось, даже при мысли об этом кожа покрывалась пупырышками и начинали клещать зубы.

— Брось, — попросил тролль, видя, что я разуваюсь, и для верности придержал меня за руку. — Что у меня надеть больше нечего?

Капитан фыркнул и состроил лицо, выражавшее крайнюю степень презрения и неодобрения, но меня таким пронять было трудно.

— Ты так размяк, Драниш, что смотреть противно. — Тиса с такой силой рванула кусок с рыбьего бока, что несчастная туша дернулась и взмахнула хвостом, как живая.

— А ты не смотри, — посоветовал тролль, блаженно улыбаясь. Несмотря на боль, он поглаживал мою руку и был счастлив.

Что-то заставило меня поднять голову и посмотреть на Ярослава. За ледяным презрением, которое он источал, мне почудилась боль. Но почему? Неужели он вспомнил ту девушку, которую любил во время войны и которая предала его ради Чистомира? Или наш холодный капитан просто скучает по теплым чувствам? Ответа на этот вопрос я не знала, а спросить бы никогда не осмелилась.

Когда мы наелись, эльф приказал забрать с собой остатки зубошука, которые поручил мне очистить от песка и погрузить в котелок.

— Сваренной капитаном кашей и рыбой позавтракаем. Что-то мне подсказывает, что ночь ожидается бурной и утром будет не до завтрака, — зловеще предсказал Сын Леса и принялся. — Воздух явно пахнет неприятностями.

— Перестань каркать! — рявкнула Тиса. — Накличешь какую-нибудь гадость на наши головы, нам и так проблем хватает.

— Нельзя накаркать то, что уже предрешено, — пафосно сказал Даезаэль. — Уй! Ах, ты...

Воительница, ловко огревшая костылем увлеченного мрачными предсказаниями эльфа, подбоченилась, стоя на одной ноге.

— Не дождешься у меня больше исцеления, — пообещал пострадавший, почесывая спину. — Будешь подыхать, а я буду стоять рядом и смеяться.

— Я в этом никогда не сомневалась, — ответила девушка и сменила тему. — Давайте собираться, уже темнеет.

Процессия, ползущая вверх по холму к фургону, представляла собой лакомый кусочек для любого, желающего поживиться нашим мясом, настолько мы были уставшие, да к тому же тащившие на себе гору тяжестей. Мокрое белье, котелки с пищей, целительская сумка, с которой Даезаэль теперь не расставался, результаты мародерского труда гнома и тролля — какие-

то кузнечные инструменты и длинные деревянные жерди. Так как обожженный Драниш не мог тащить на себе материалы для ремонта фургона, то нести их пришлось эльфу и капитану.

— Мила, — громким шепотом предложил Даезаэль, — давай сделаем ставки?

— Какие? — безразлично спросила я. Тюк с мокрым бельем неприятно охлаждал спину, а на шее у меня болталась целительская сумка, с каждым шагом пригибавшая меня все ниже к земле. Да и выброс магической энергии давал о себе знать, перед глазами уже давно плавали расплывчатые тени.

— Упадет Ярослав до того, как мы дойдем до фургона, или нет? Я за то, что упадет.

— Почему ты так уверен?

— Потому что он несет другой конец жердей, и я чувствую, как его шатает, — довольно сказал эльф.

— Сейчас всем плохо, а ты прицепился к капитану, — возмутилась Тиса, хромавшая сзади. — Вон, Драниша тоже шатает!

— Его еще и морозит, — равнодушно сказал целитель, — последствия ожога. Нет, тролль меня не интересует, пусть за него Мила переживает, ей тащить тушу и котелки, если он упадет. Вот капитан — это интереснее. Ведь он у нас из гранита высечен. Ему бы сейчас лежать, а он ходит и даже тяжести таскает.

— Не упадет, — сказала я твердо. — Капитан не упадет до тех пор, пока не донесет ношу до фургона.

— Вот и поспорили, — обрадовался эльф. — Если я выиграю, завтра утром забираю у тебя почти всю магию, идет?

— А если я выиграю?

— Быть такого не может, — уверенно заявил целитель.

— Такого не может быть! — голосил он чуть позже, когда вся наша группа благополучно добралась до фургона. — Он должен был упасть! Должен был! У него же совершенно нет сил! И он не обращался к силе рода, я же знаю! У, как же я вас всех ненавижу! Персик, ползи сюда, я тебя пну!

— Тебе надо — сам иди сюда и пинай, — меланхолично ответил гном, лежащий рядом с рогожкой с инструментами, которую он еле затащил на холм. — У меня нет сил.

— Ты самый здоровый из нас — и у тебя нет сил? — завопил эльф. — Куда ты их дел? Ты ведь даже не ранен!

— Я не могу жить на таком скудном пайке, — тихо признался гном. — Мы ведь толком и не ели за последнее время. Ты, такой умный и знающий целитель, забыл, наверное, что у нас обмен веществ другой? Гном не может прожить на жалких крохах, нам нужно есть значительно больше, чем эльфам. Посмотри!

Персиваль расстегнул ремень и оттопырил пояс штанов. В образовавшуюся пустоту вполне могла поместиться я. Судя по пристыженному лицу Сына Леса, он совершенно об этом забыл или не брал в расчет; более того, никто из нас, увлеченных своими бедами и болью, даже не заметил, как сильно похудел гном за последние несколько дней. Впрочем, Дaeзаэль не был бы Дaeзаэлем, если бы быстро не нашелся.

— Так ешь, кто тебе мешает? Вон, целый котелок рыбы и еще один — каши. Лопай, сколько влезет, и спать ложись. В нашей команде одного скелета в виде Милы хватает, все, вакантное место супового набора занято.

— Я не скелет, — возмутилась я. — Просто худая.

— На грани истощения, — уточнил целитель и скрылся в фургоне. — Мила! Иди сюда!

Чувствуя себя старушкой, у которой болят все кости, я залезла внутрь.

— Бери одеяло, — велел эльф, — и вот эту мазь. Сейчас будешь своего тролля спасать, а то ему что-то невесело. Я пока микстуры всем сделаю. Дрыхли бы вас всех взяли, откуда ж мне было знать, что и противоожоговое надо было с собой тащить! Возись теперь...

Пока я намазывала Дранишу покрытые волдырями спину и руки, капитан обустроивал лагерь на ночь, найдя работу даже огрызающемуся эльфу и не взглянув на нас ни разу. Впрочем, мне было не до этого, потому что тролль был очень плох. Постоянные потери крови, раны, волкодлачий яд, физические нагрузки и, наконец, ожоги сделали свое дело. Взгляд Драниша был мутным и безучастным, он вяло выпил все, что приготовил ему эльф, и молча повалился на одеяло, спрятав лицо в подушку. Мне было страшно видеть мощного и веселого тролля в таком состоянии, поэтому я вскочила на ноги, желая сделать для него хоть что-то, что бы облегчило ему состояние.

Нужно разжечь костер! Я побежала за фонарем, но меня за руку схватил Волк.

— Что случилось? — испугалась я, взглянув на его серое лицо.

— Дранишу совсем плохо? — спросил он.

— Да, — призналась я. — Хотела костер разжечь, чтобы он не замерз, ночи все-таки прохладные, а его и так морозит.

Ярослав сжал мою руку так, что я вскрикнула от боли. Наверняка останутся огромные синяки.

— Отпустите меня, — простонала я. — Я знаю, что вы хотите сказать! Что это все из-за меня, и что Драниш вам дорог, и чтобы я сделала все возможное... Но я и так делаю!

— Я вовсе не хотел сказать, что все из-за тебя. — Волк вздохнул и осторожно отпустил мою руку. — Прости, я погорячился. Сейчас я помогу тебе набрать дров, и Даезаэля попросим, он в темноте хорошо видит.

Я осторожно сжала и разжала кулак, проверяя, как работают пальцы. Погорячился он!

— Это всегда так бывает, — авторитетно заявил эльф, появляясь за моей спиной с фонарем.

— Что именно бывает? — спросила я, стараясь подавить дрожь в голосе. Даезаэль своими неожиданными появлениями меня когда-нибудь в могилу вгонит!

— Такие взрывы. — Эльф прикоснулся своей прохладной ладонью к моему уже начинавшему проявляться синяку. — Такие люди, как капитан, держат свои эмоции в котелке с крышкой. Оно там кипит, кипит, а потом — бабах! — и взрывается. И тогда места всем мало. В общем, тебе пока везет меньше всех, потому что Ярослав к тебе явно неравнодушен.

— Неравнодушен? — поразила я. — Что ты такое говоришь? Да он меня терпеть не может.

— Я же и говорю — неравнодушен. Вот Тиса, что бы она ни сделала, он реагирует привычно, так, как реагировал бы любой господин на проделки верного слуги. А ты постоянно заставляешь его вырываться из привычного шаблона поведения. Ты знаешь, мне кажется, он тебя когда-нибудь придушит.

— Хорошенькая перспектива. — Я постаралась улыбнуться дрожащими губами. — Может быть, все же прирежет?

— Нет, задушит. Чтобы все ощутить своими руками: как пережимаются твои сосуды, как бьется в агонии тело, как ты хрипишь и пытаешься освободиться...

Мне почему-то стало очень страшно, как будто кто-то прошелся холодными лапками по позвоночнику, и я непроизвольно схватила Даезаэля за руку.

— Что? — шепотом спросил он. — Ты тоже это почувствовала? Давай, хватаем любые сухие ветки и возвращаемся к фургону, что-то я больше не хочу в этом лесу находиться.

По возвращении я спешно принялась разводить костер. Мне казалось, что яркое, живое пламя быстро оградит меня от того страшного и неведомого, что притаилось в лесу. Рядом споро рубил на куски большие ветки эльф.

— Вы почему так мало дров набрали? — спросил капитан, появляясь из темноты с охапкой хвороста. — На ночь не хватит.

— А ты не почувствовал, что там, в лесу, кто-то есть? — спросил эльф.

— Это не повод сидеть без огня. — Волк сгрузил ветки в общую кучу. — Бери топор, пойдем, я там сухую сосну заметил, ее надолго хватит. А Мила пусть остается, если ей страшно.

— Страшно, — честно ответила я.

— Ну так поднимись в фургон и возьми в руки оружие, — раздраженно приказал капитан. — Ни Тиса, ни Драниш сейчас защитить себя не могут.

Когда на тебе лежит ответственность по защите своих спутников, становится не так страшно. Я полезла в фургон за эльфийским луком, который хорошо оберегает от нечисти, а для людей у меня есть кинжал.

Внутри в темноте раздавались слабые всхлипывания.

— Тиса? — Я осторожно побрела в направлении звуков, стараясь ни на что не наступить. — Что случилось?

— Мне больно, — простионала девушка. — Ты думаешь, так легко скакать на этих палках? И кости ноги так болят, у-у-у-у...

— Почему ты не попросила никого из нас обезболить тебя? — спросила я, проводя рукой над переломом. От кожи девушки так и пахло жаром. — Почему ты не сказала, что тебе так плохо?

— Но ведь Даезаэль сказал, что нельзя магию, когда в крови есть волкодлачий яд! Я не хочу умереть!

— Все будет хорошо! — Я наконец-то зажгла потолочную лампу. — Ведь есть еще всякие настойки и снадобья. Я сейчас все сделаю, тебе полегчает.

Я возилась с Тисой до прихода наших дровосеков, напрочь забыв про свой страх. Даже не вздрогнула, когда за спиной возник эльф, постоял немного, одобрительно хмыкнул и вышел.

Когда девушка наконец-то заснула, я вышла к костру и наткнулась на жалобный взгляд Даезаэля. Так эльф никогда и ни на кого не смотрел, и мне опять стало страшно.

— Мила, — пролепетал он жалобным голосом, — ты знаешь некромантию?

— Некромантию? — Ничего себе тема для разговора поздним вечером! — Так, самые основы.

— Тогда срочно защити нас всех от мертвецов!

— Каких мертвецов?

— Ты что, не чувствуешь? Они идут за нами! Они встали из могил и идут за нами! — Пальцы эльфа вцепились в мою рубашку, я зашаталась под тяжестью его веса. Глаза у Даезаэля были совершенно безумными. — Они идут! Идут!

Мне стало так страшно, что я не могла пошевелиться, лишь повторяла:

— Даезаэль, успокойся, успокойся...

Капитан действовал более решительно. Он одним ударом оторвал Даезаэля от меня. Потерявший сознание эльф упал на землю, а Ярослав хлопнул меня по щеке.

— Очнись! Делай то, о чем просил Даезаэль.

— Хорошо. — Я взглянула в серебристо-серые глаза, и это странным образом придало мне сил.

— Эй, ты куда? — окликнул меня Волк, укладывая эльфа на одеяло рядом с Дранишем.

— На крышу за учебником, — ответила я уже сверху, копаясь в своих вещах. — А вы думали, я прятаться пошла?

— Была такая мысль, — честно признался Волк и даже был так любезен, что помог мне спуститься вниз. — Так ты знаешь некромантию или нет?